

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *Н. Плутахина*

Г61 Головачёв, Василий Васильевич.
Пробуждение джинна. Том первый : [научно-фантастический роман] / Василий Головачёв. — Москва : Эксмо, 2019. — 672 с.
ISBN 978-5-04-104805-1

Джинны — порождение галактической сверхцивилизации — атакуют Землю на протяжении нескольких человеческих поколений. Борьба с джиннами стала делом целой династии Ромашиных. Несколько раз чаша весов судьбы клонилась то в одну, то в другую сторону. И каждое новое вторжение удавалось отбить все более дорогой ценой. Наконец пришло время последнего боя.

Сочетание традиций классической НФ и современного остросюжетного фантастического боевика в первых трех романах из легендарного цикла о Джиннах, созданного Грандмастером отечественной фантастики!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104805-1

© Головачёв В.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

СПЯЩИЙ
ДЖИНН

Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.

*А. С. Пушкин.
Демон*

Я враг небес, я зло природы...

*М. Ю. Лермонтов.
Демон*

Пролог

Возвращение звездной экспедиции — всегда событие, особенно если она возвращается из глубокого поиска. Но крейсер пограничной службы Даль-разведки «Лидер» с экипажем, укомплектованным пограничниками и сотрудниками отдела безопасности Управления аварийно-спасательной службы, пришел незаметно, имея связь только с руководством погранслужбы.

Он выполнял особое задание и груз на борту имел специфический: оружие.

Четыре года назад военные историки, изучающие документы конца двадцатого — начала двадцать первого века, обнаружили сверхсекретные материалы блока НАТО — военного союза ведущих капиталистических держав, — в которых говорилось об отправке в космос армады автоматических космических кораблей с оружием. Маньяки, цеплявшиеся за тезис наращивания вооружений «для защиты Земли от космического нападения», не могли спокойно смотреть, как после выхода документа ООН о всеобщем и полном разоружении уничтожаются запасы ядерного и обычного оружия, и тайно отправили опасный груз с тем, чтобы перехватить его в удобное время и использовать по назначению если не на Земле, то где-то в другом районе космоса.

Сведений о перехвате у историков не было, но не проверить правдивость документов служба безопасности человеческой цивилизации двадцать третьего века не имела права, и «Лидер» был отправлен в космос в направлении Гаммы Геркулеса — именно в том направлении должны были двигаться ракеты с оружием, вылетевшие с Земли два века назад.

Три года ушло на расчет и уточнение траектории ракетного поезда и поиск груза, и вот «Лидер» вернулся, загруженный оружием, вернее, образцами оружия для музеев истории и военной техники, остальное было уничтожено далеко от Солнечной системы. Представители умиравшего блока НАТО так и не смогли догнать свой страшный, смертоносный и опасный арсенал...

Крейсер подошел к одной из финиш-баз спасательного флота, «привязанной» орбитальным лифтом к Марсу, и запросил разрешения на стыковку.

Спустя полчаса экипаж крейсера был отправлен на карантин, длившийся трое суток.

Последним после карантина крейсер покидали его командир Калаев и руководитель десанта Игнат Ромашин.

— Вот мы и дома, — сказал Калаев, глядя на близкую громаду Марса в растворе главного виома.

— Дома. — Ромашин мельком взглянул на виом, упаковывая в громадную белую сумку вещи, разложенные на пульте.

Калаев пригладил вихры пышной шевелюры, посмотрел на его спину с буграми мышц, хмыкнул:

— Зачем тебе это барахло?

— Сувениры. Память. Если бы Лапарра услышал, что ты назвал его бесценные реликвии барахлом, он бы не простил. Хорошо, что мне удалось прихватить лишние экземпляры, коллекционеров среди моих друзей хватает.

Калаев покачал головой.

— Ну карабин, положим, еще можно повесить на стену как трофей, хотя это чистой воды снобизм, а регалии?

Ромашин со скрежетом затянул «молнии» на сумке и закинул ремень на плечо.

— Зам. моего начальника Первицкий — заядлый фалерист, который собирает значки, медали и ордена с доисторических времен. Видел бы ты его коллекцию! Это ему презент. Пошли?

Калаев взял свою сумку с эмблемой Даль-разведки, скинул рубку печальным взглядом и грустно проговорил:

— Это мой последний дальний поход, Игнат. В следующую экспедицию пойдешь с другим командиром.

— Не пойду, — улыбнулся Игнат. — Меня ждет Лапарра. Я обещал ему, что вернусь в отдел при первой возможности.

- Наземный сектор?
- Наземный. Неплохо звучит?
- Земной, наземный, Земля...

* * *

Он возвращался домой со сложным чувством сожаления, вины и радости. Оказывается, он отвык от Земли! Прошло всего три года вдали от нее, а он уже забыл детали, помнил, что Земля — это что-то большое, зеленое, доброе и радостное. И теперь «детали» напоминали о себе сами: автоматикой зданий и технических сооружений, ветром сквозь лапы елей, улыбкой солнца, голосами детей, потоком людей у станций тайм-фага. Оказывается, он многому разучился, несмотря на тот же распорядок жизни на корабле, разучился даже вести себя. Иначе почему тогда многие оглядываются вслед? Может, потому что в его облике видна внутренняя тревога? Постоянное ожидание опасности? Готовность к немедленному действию? Наверное...

Калаев заметил это сразу, но он на пятнадцать лет опытнее...

Игнат оставил такси на крыше дома, потом вспомнил правила и скомандовал киб-пилоту: «Свободен». Двухместный пинасс умчался, приняв чей-то вызов.

Игнат подумал несколько мгновений, улыбнулся в душе, вспомнив, как звонил домой под чужим именем, узнать, есть ли кто дома. Ему ответили, и хотя голоса он не узнал, главного добился. Он зашел в одну из ниш вечернего отдыха, созданную зарослями тенистого клена, достал из сумки парадную форму официала спасательной службы и переоделся. Затем подмигнул сам себе, накинул на шею ремень карабина, о котором говорил Калаев, и спустился к лифту. Через минуту он стоял перед знакомой дверью, снявшей его не раз, и странная робость закралась в душу, будто ждал его за дверью неведомый экзамен, не сдать который он не имел права.

Дверь в ответ на мысль-приказ утратила монолитность, Игнат шагнул сквозь ее голубую завесу в прихожую. Из гостиной ему навстречу вышла тоненькая девушка с сеткой эмкана на пышных волосах. Увидев ослепительно-белую фигуру, сверкающую множеством пряжек, застежек, карманов и поясков, с устрашающе-

го вида карабином на плече, она невольно попятилась и стянула с головы эмкан.

— Простите, вам кого?

Игнат растерялся, так как ожидал увидеть лицо матери или отца, но перед ним стояла удивленная не меньше его незнакомка, имевшая с кем-то отдаленное сходство. Она была очень молода, мила, крупный рот не портил лицо, а глаза были серые, лучистые и внимательные.

У Игната мелькнула мысль, уж не промахнулся ли он этажом, но приходящая была знакома, гостиная тоже, запахи напоминали ему детство: он был дома.

— Извините, — пробормотал он. — Вы, кажется?..

Девушка вдруг зажала рот рукой и тихонько засмеялась.

— Ой, не узнал! Вот здорово! Здравствуйте, дядя Игнат.

— Привет, — тупо сказал Игнат. — Ну конечно, Дениз!

Это была Дениз Сосновская, которую он помнил тонюсенькой, как стебелек ромашки, светлоголовой, доверчивой девчушкой, большеглазой и серьезной.

Игнат засмеялся вслед за девушкой.

— Низа! Вот это сюрприз! Не узнал, честное слово! Я звонил, думал, мать ответила или кто-то из гостей.

— Это была я. Мы уже неделю гостим у вас.

Они отсмеялись, поглядывая друг на друга сквозь матовое стекло памяти, потом Игнат поднял сумку, которую оставил у порога, достал оттуда пакет, развернул фольгу и подал Дениз букет цветов.

— Это тебе, из оранжереи корабля.

Дениз молча приняла цветы, глаза ее вспыхнули восхищением. Цветы были ярко-алыми, крупными, похожими на пляшущие языки пламени и пахли незнакомо: нежно и тревожаще.

— Какие красивые! Спасибо!

Игнат поймал ее взгляд и хмыкнул про себя: похоже, то время, когда его боготворили, не успело забыться.

Он прошел в свою комнату, бросил сумку на диван, с удовольствием ощущая полузабытые запахи знакомой обстановки. Включил видеопласт, и домашний координатор послушно преобразил комнату в поляну, окруженную березовым лесом. Дениз остановилась на пороге, поглядывая на него из-за букета.

— Садись, — спохватился он, подвигая сумку. Снял карабин и сел рядом, размышляя, ждать ли родителей дома

или махнуть к кому-нибудь из них: мать работала в Институте видеопластики, а отец... три года назад, как раз перед полетом, его назначили на пост директора УАСС.

Дениз встретила его взгляд и покраснела чуть ли не до слез. Тогда Игнат начал рассказывать, где был, пока девушка не заслушалась. Наконец он прервал поток красноречия:

— Извини, я могу делиться впечатлениями целый день, а ведь ты, наверное, занята?

Дениз покраснела.

— Готовлюсь к экзаменационной сессии, но... все наоборот, это ты меня извини, что не даю оглядеться. Я поставлю цветы в воду?

— Конечно, только посоли воду.

Дениз вышла.

Игнат встал, прошелся по комнате-поляне, выключил видеопласт, комната приобрела прежний вид. Что-то мешало ему, какое-то давнее воспоминание, будоражащее память. Что-то связанное с Дениз... или с ее братом... не вспомнить, пожалуй. Игнат с досадой щелкнул пальцами, волнение не давало сосредоточиться.

Вошла Дениз.

— Поставила. Ну и красивый же у тебя костюм, дядя Игнат!

Она принялась с интересом рассматривать нашивки, кармашки, ремни и отличительные знаки официала аварийно-спасательной службы.

— Это парадная форма спасателя-безопасника, — ответил Игнат, в свою очередь незаметно разглядывая девушку. — Никогда не видела? Отец же надевал.

Память настойчиво тасовала картины прошлого: как Дениз делилась с ним школьными новостями, плакала на груди, смеялась, сердилась, когда он не принимал ее переживаний всерьез... Но тщетно Игнат пытался вызвать в памяти образ прежней девочки, возникала абстрактная фигурка... светлое пламя волос... глаза с вечным вопросом... и тихий смех... Перед ним же стояла взрослая, оформившаяся девушка, серьезная, естественная в каждом жесте, еще не осознавшая своей привлекательности.

— А это — оружие?

Мысль с переодеванием уже не казалась Игнату удачной. К тому же накатило нетерпение: ждать не хотелось,

появилось желание действовать, звонить на работу отцу, бежать, мчаться, лишь бы не ждать. Но он сдержал себя. Взял карабин за ствол и передал Дениз.

— Это «дракон», ракетный карабин с автоматической сменой боя. Ужасно тяжелая и неудобная машинка.

— Машинка? — фыркнула девушка. — Ой, действительно тяжелая! А ты стрелял из него?

Игнат, помедлив, кивнул, закатал рукав куртки и показал на левой руке три длинных белых неровных шрама.

— След так называемой веерной пули. Она рикошетирует от любого предмета, и от нее очень трудно увернуться, особенно когда она расщепляется на десять иголок. Мы не знали, вот и получилось.

Дениз потрогала шрамы и спрятала руку за спину.

Игнат засмеялся, отобрал карабин.

— По твоему лицу легко читать, о чем ты думаешь. Если честно, полет был трудный. Многие из моих друзей были ранены, один погиб, а я... я был осторожен. Ты ждала меня?

Дениз вспыхнула и выбежала из комнаты.

Игнат улыбнулся и стал переодеваться в любимый голубовато-серый костюм, включив сумматор моды. Чувствуя некоторую скованность, он вышел в гостиную, где Дениз строила замок впечатлений от их встречи. Неизвестно от чего оба смутились, хотя Игнат отметил этот факт для себя с изумлением, он протянул девушке ажурный браслет удивительно тонкой работы из голубого металла.

— Мы нашли целый сейф таких безделушек. Красивый, правда?

— Очень!

Браслет был холодным и тяжелым, и Дениз удивленно подняла взгляд, в котором смешивались радость, и смущение, и еще что-то, чему Игнат не мог сразу подобрать названия, но что радостным толчком отозвалось в сердце.

— Браслет из чистого осмия, — пояснил он. — Два века назад он стоил баснословно дорого.

— Но ты, наверное, вез его для мамы...

— Не беспокойся, маме тоже есть подарок.

Он помог Дениз нацепить браслет, и в это время в прихожей чуть слышно всхлипнул дверной автомат.

Игнат выскочил в прихожую — это пришла мама...

ВИТОЛЬД СОСНОВСКИЙ

стажер отдела безопасности УАСС

Игнат, прищурясь, смотрел на утреннее солнце, застрявшее в ажурном перекрытии террасы, а я смотрел на него. Внизу под нами дымился и плавился сааремский пляж, продавленный обилием человеческих тел. И это называется пятница, обычный рабочий день...

Игнат искоса посмотрел на меня и неожиданно подмигнул:

— Может быть, лучше позагорает?

— Издеваетесь, инспектор? — вздохнул я в ответ.

Игнат оценивающе прошелся взглядом по моей фигуре, отчего я невольно втянул живот.

— Похвально, варяг, на попятную и правда идти поздно.

Я пожалел, что уговорил Игната поехать с утра сюда. Самолюбие, видите ли, разыграло! Надо мне было затрагивать эту тему... Теперь доказывай, что ты не верблюд... а осел!

Игнат повернулся и пошел к эскалатору, а я смотрел, как он идет. Ноги Игнат ставил так, будто при каждом шаге пробовал ступней зыбкую почву и, только убедившись в прочности земли, переносил тяжесть тела на всю ногу. Раньше я никогда не видел у него такой походки, а может, просто не присматривался. Три года назад, перед тем как он улетел в свою долгую командировку, мне было шестнадцать, и ценил я в то время в своем старшем друге такие качества, как сила, ловкость, реакция. Я, конечно, и сейчас ценю эти качества, но теперь они не кажутся мне главными... Через десять минут мы вошли в гулкий, прохладный и почти пустой элинг виндсерферов, разделенный надвое каналом.

— Для начала тебе подойдет тип «Мастодонт», — сказал Игнат, колдуя у пульта координатора спортивной базы.

— «Мастодонт»? — Я слегка запаниковал, вызывая в памяти образ волосатого и клыкастого предка слона. — Что за зверь?

— Не бойся, «Мастодонт» — это серфер с фиксированным центром тяжести. На «Колибри» тебе еще рано, с него падают и мастера.

Пока мы раздевались в одной из кабин, ловкий, как паук, робот приволок и спустил на воду выводного канала две совершенно одинаковые, на мой взгляд, доски с киями, посреди которых торчали тонкие, членистые, словно сделанные из бамбука, мачты со свернутыми в тугие валики парусами.

Игнат, поглядывая на меня с неопределенной усмешкой, пошевелил мачты серферов, пробуя подвижность сочленений, потрогал ногой шаткую палубу и вилкообразный гик. Что-то щелкнуло, и валик на мачте развернулся в прозрачный косой парус. С таким же щелчком раскрылся парус второго серфера.

— Или все же пойдём на пляж?

— Инструктируй, — махнул я рукой, хотя, честно признаться, лезть на неудобную палубу верткого суденышка не хотелось.

— Инструктаж прост. — Игнат отлично понял мимику моего лица. — Делай, как я.

Он шагнул на палубу своего серфера, ловко развернул парус, ровный ветер аэродинамической полости эллинга тут же подхватил странное плавучее сооружение, не лишённое, правда, изящества и красоты, и отнес на несколько метров от берега.

Я набрал в грудь воздуха, сделал свирепую мину и прыгнул на второй серфер, будто хотел взять его на бордаж..

История эта с виндсерфингом началась две недели назад, когда в отделах управления провели очередной экзамен на отработку комплекса ВВУ¹ — внезапно возникшей угрозы. Внешне это выглядело как спортивно-техническое многоборье, состоящее из целого ряда состязаний, плюс проходка полигона ВВУ. В отделах работали разные

¹ ВВУ — внезапно возникшая угроза.

люди, с разными характерами, способностями и увлечениями, каждый из них был профессионалом в какой-нибудь из технических или научных дисциплин, а также в совершенстве владел одним из видов спорта. Но, по мысли руководителей управления, в идеале каждый сотрудник аварийно-спасательной службы должен быть универсалом, потому что, несмотря на применение автоматов, вычислительных компьютеров и киберсистем, работа требовала от спасателей всесторонней подготовки, колоссальных физических и нервно-психических нагрузок, обширных научных и технических знаний, умения мгновенно ориентироваться в любой обстановке. Универсализм в подобных ситуациях помогал находить необходимое решение в кратчайшие сроки. А что такое время, особенно если счет идет на секунды, знал даже я, стажер отдела безопасности, не допущенный пока ни к серьезным операциям, ни к архивам управления.

Отработка ВВУ выявила в среде безопасников своих универсалов, в числе которых по праву оказался и Игнат, месяц назад вернувшийся из экспедиции «Погоня». Кстати, именно по его просьбе меня и приняли в отдел, хотя обычно стажерами безопасности становились пограничники. Я же в этом году только собирался поступать в Академию пограничной службы.

Спортивную программу многоборья и психологическое тестирование я прошел нормально, однако «срезался» на технической ее части, и меня даже не допустили к прохождению полигона. Это обстоятельство настолько уязвило мое самолюбие, что я по неосторожности отошел с пренебрежением о виндсерфинге, любимом виде спорта Игната. Теперь я пожинал плоды своих заявлений, далеко не уверенный в том, что справлюсь «одной рукой» с виндсерфером, этой «обыкновенной овальной доской с килем и парусом». Но я надеялся на свою реакцию и чувство равновесия, натренированные годами занятиями борьбой тайбо. Как оказалось, напрасно надеялся...

Серфер в море я все же вывел: через двадцать минут и примерно столько же падений. В конце концов я разозлился, и парус стал мне покоряться.

Игнат не смеялся и не подшучивал, и я был благодарен ему за это, потому что с детства не люблю насмешек — такой уж у меня комплекс. Если к этому добавить